

С КИЖАМИ РАЗНЫМ СТРАДАМ

ЕСТЬ ЧАСОВ вечера десятого мая. Париж. Весна. Это здорово — попасть в Париж весной, да еще не просто там туристом, а по делу, на работу! На перроне встречаются люди, среди них друзья, которых мы знали еще в Москве, в том числе москве Сориа, яши «воилкин». Он нас пригласил. А о нем не известна нам Елизавета Лотар—яши будущий помощник в будущем немой друг коллектива. Цветы, фотоаппараты, некоторая растерянность и суета.

На следующее утро начинается работа. Монпарнас. Латинский квартал. Улица Гетьа — в пореводе Веселая. На этой узенькой улице, где не могут размахнуться два автомобиля, много маленьких театров. Самой из них Большой — театр Бомбо, где хурса обити красивым бархатом, а по стенам зала висят портреты выступавших здесь парижских актеров. Теперь Бомбо являш на сцене три недели.

С утра и до ночи и на второй день до шести вечера шли репетиции «необыкновенного концерта». Как обычно в гастрольных поездках, волновались все — от электротехника Славы Сулейманова до Образцова. А уж Гердт, впервые игравший роль конференции на французском языке, которого он не знает и никогда не знает, триса больше всех. Кто-то перед спектаклем спас его, сказал: «Не мучьтесь, ну его, это шахарово французское яри!» Произносит совсем просто. Сами французши не всегда гастролиты. Гердт перестал думать о прокатной «ри», в все пошло как по маслу.

Перед самым спектаклем принесли приветственную телеграмму от Симоны Сякоре и Маа Монтана. Попом от них же огромный букет красных роз.

Восем часов вечера. Идет публка. Идет и идет, пока не закончатся весь зна. Пришла Сякоре и Монтан, приехавшие на спектакль из Норланди, приши Элиза Тромье и Луи Арагон, художник Жорж Вазелин, Эугар Фор с женой, режиссеры, художники, актеры. Сякоре трогательна до невольности. Монтан вытывает ей слезы своим платком.

Несмотря на то, что это первый, так называемый «Гадда-спектакль», на котором публка обычно «взвывает» и на протяжении сдерживает свои чувства, на этот раз все выжухается влоборот. Контакт с залом завязался с первых приветственных слов Образцова и не прекращался до самого конца. Все рады — и они, и мы. Как говорится, дошло. Все, даже французский жест поубо-мороченного Гердта.

Но это вовсе не означает, что театр продолжал бездумно упиваться успехом. Если трезво взглянуть на вещи, то его поддерегала опасность, и театр об этом знал. Первая опасность: май—это мертвый сезон в Пари-

ГАСТРОЛИ советских артистов за рубежом — вещь как будто бы уже обычная. Обычная, однако, главным образом для нас, принимающих и тому, что советские певцы и танцоры привозят из-за границы лабораторные изделия различных коммунисов, а также лачки восторженных рецензий, что же насчет зрителей — во многих странах мира, то для них приезд наших артистов почти всегда событие исключительное, волнующее, равное празднику. И равное откровению потому, что, по свидетельству сотни людей в Париже, Лондоне или Риме, понимание нашей страны пришло к ним вместе с восхищением советским искусством.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию путевые заметки, возникшие в результате недавних гастроль Центрального государственного театра юной во Франции, Бельгии и Голландии.

Же. Зрел каждый директор театра с утра смотрит на небо — нет ли дождя? Хорошо, если дождя! Зритель не уедет за город, будут сборы. Вторая опасность: нульвые театры в Париже хоть и есть, но работают главным образом для детей и пьес для взрослых не ставят. Значит, взрослого в нульвые театр не погнет. Третья опасность: что скажет пресса? Если пресса кого неважно, тому конец. Особенно если неважно комсе Готье, строгий критик на газете «Фигаро», который за последние двадцать лет, говорят, написал всего две вольные рецензии. Прежде чем смотреть вольные спектакли, парижская публка заглянет в газету: а что там пишет критик? Зря люди не лодут, уж очень билеты дороги.

После премьеры сразу в пяти газетах появились хорошие рецензии. А через три дня статья комсе Готье, после которой пошли аншлаги даже по субботам и воскресеньям. Как было принято коллективу, когда после спектакля за кулисы пришел Артур Рубинштейн и спросил, кто так великолепно сыгрет на гитаре, а ему представил молодого шанциста Илошу Ягодина, которого театр «похитил» у концертной эстрады.

МНОГИЕ зрители просили разрешения авторично смотреть спектакли, уже из-за кулис. В большинстве случаев это были актеры, в том числе актеры французских нульвых театров Парижа и специально приехавшие из других городов. Французские «вульничники» делали все, чтобы ГЦК было приятно в Париже. И Робер Декартис, и Жан Лу Танпераль и Жан Шене каждый паронь и все вместе развлекали нас как могли. Мы сговорились в Лексебургском суду спектакль для детей — сказку, которую сочинил комсе Декартис и сам разыгрывал ее вместе с женой и сыном.

Встретались мы не только с нульвичниками, но и с композиторами, которые бывали у нас в Москве. Выделился с Филиппом Жераром. У Филиппа Жерара прошевенна, только что нарождавшая дочка с огромными, как у ее молодой мамы, глазами. В кабинете-столовой висят картины Утрильо, Пивассо и молодых, еще не известных нам художников. В одной раме просто белое пят-

во загроузданного холста, но хозяин объясняет, что это картина. Возможно. Жерар много работает и пишет музыку для Монпарна. В декабре Монпар выступил с новой программой и с ней же хочет приехать к нам.

У композитора Мариа Эрала, автора известной москвичан «Мари Вилон», мы провели целый вечер. Две его маленькие дочки, Нана и Катя, тихонечко сидели на диване и читали вслух одну книжку. Среди гостей был актер кино Жан Луи Паскаль—«смерть де-вульчан». Высоко, красив до невозможности, хохот и не очень уме юмор. В кино сниматься перестал—надело играть героев, а в характерных ролях его не хотят снимать, и он целиком переключился на концертную деятельность. Поет меланхоличные песни и тоже мечтает приехать в Советский Союз.

Конечно, нам было жалко расставаться с Парижем. С рымкой, будто рывовой, и все-таки торжественной Зирфеловой Банней, собором Нотр Дам, мимо которого мы проехали день езды на спектакль, с Лурье. Но больше всего нам жалко было расставаться с людьми, от которых было тепло и которым мы в последний раз пожали руки, сядя в автобус, чтобы отправиться в Бельгию.

НАСТОЯЩАЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ дружба о Лопем Виллелсом, директором Пале де Бозар, началась у нас четыре года тому назад, когда он впервые пригласил театр на гастроли в Бельгию. После этого он много раз приезжал в Москву. Перед нашим гастролем Виллелсом встретил в Москве в нашем театре разные спектакли. Ему очень понравилась «Божественная комедия», и он сказал: «Божественно надо показывать в Бельгии». Обращаясь за адресом: «Из-за здоровья много катюшков, а в спектакле был роуль, англ поддалми, далью надал. Как бы не было скандала! Обидится катюшка и начнут уходить». «Ничего, не обидятся. Самодур так самодурно играет бога, что даже катюшка понарада».

И вот театр идет в Брюсселе, в том же Пале де Бозар. Идет «Божественная комедия». Виллелсом оказался прав, а все наши опасения напрасными. Это стало ясно, как только открылся занавес и бог, оброщаясь к ангелам, произнес первые слова: «Что лесового? По зрительному залу прошел шорох. Ангелы покати лезганы и отделили: «Ничего нового!». И тут раздался хохот и аплодисменты всего зала.

Через несколько дней театр должен был играть «Божественную комедию» в Антверпене, в так называемом «институтском театре» — «Зальеррий». Это—огромное здание, выходящее в себе церковь (где логоток рисмисен Рубенсом), симметричный диспансер и величавый театр. Сперва отмыли ученики попросили почитать лекцию на тему с деборандици, так как в это время у них ших занависки, но вечером сами пожелали смотреть спектакль и смелись на меньше других.

Виллелсом возил нас в музей Рубенса в Антверпене. Это дом, где Рубенс жил с 1610 по 1640 год. Эти стены видели и Изабеллу Брант, и Езену Фурниен. Здесь родилась пять детей Рубенса. Здесь он создавал свои картины и вместе с ним работали Ван Дейк, Франс, Снейдерс и другие выдающиеся художники. Нашим гитом было человеческий голос, захваченный в магнитофонный аппарат. Сперва мы обошли двор и сад, а потом голос по-французски поговаривал нам: «Давайте теперь войдем в дом». Иногда, чтобы дать нам возможность углубиться в содержание окружающего, голос замолкал и вместо него старинные инструменты играли музыку XVII века. Грозность мы сами регулировали, а бывало, что и вовсе выключали, чтобы обсудить услышанное. Хотя дому больше трехсот лет, нам казалось, что дух Рубенса здесь еще живет. Камка, который был при холмине, стол, стулья, в спальне высокая со ступеньками кровать. За темной занавеской высоченная, достигающая потолка статуя донна дева, ведущая на мастерской на ялицу. Через нее выносили законченные работы художника. А потом мы снова поехали и Виллелсу, а его прекрасную жену, где жена его и дети изучают русский язык.

ПЯТЬ надо ехать в другую страну. Первый сезон. Ветер заметно перешла в Голландию, такую же ласковую, но уже не лесистую. Голландцы говорят «Бог создал землю, а голландцы — Голландию». В течение вечной оне ставили картины и даже бы, отнимая у моря его дно и пререзая в зеленую равнину. До сих пор моря не может ни этого простить, оно пытается прорвать плотину и затопить страну. Но так давно случившаяся великая бедна на его-западе было затоплено более трехсот городов и деревень.

Мы едем в автобусе. Радио играет «Светлячок» из старой оперетты «Лизистратра», и под эту веселую маршеобразную музыку люди выжили, как в кино, выжидают дедушку несталаный фильм «Голландия». Она точь-в-точь такая, как мы себе ее представляли в детстве. Классические черные ветряные мельницы посреди зрно-зеленых лугов, классические черно-белые коровы.

Слушай шесть часов зелени в Анстердам. Город старый и удивительный. Везде узкие каналы и еще более узкие набережные без парапетов, где автомобильный столп